

Е. В. Ничипорчик

О СЛОВЕ МАСТЕРА

(в честь Юбилея профессора В. М. Мокиенко)

Все тексты роднит одно свойство – они создаются для адресата. Правда, не многие создатели текстов думают об адресате как о друге. Читая монографии, словари, статьи, учебники, рецензии, отзывы о диссертациях, слушая доклады на симпозиумах, форумах и конференциях, просматривая видеолекции уважаемого Юбилея профессора В. М. Мокиенко, ловишь себя на мысли, что адресат всего написанного и сказанного Валерием Михайловичем присутствует не только в его уме, но и в сердце.

Мое давнее желание рассказать о проявлении дружеских тактик в идиостиле мэтра славянской фразеологии В. М. Мокиенко – автора 1240 публикаций, в числе которых 243 книги (51 монография, 156 словарей, 36 учебников), – удивительным образом совпало с желанием Юбилея подать на нашу конференцию статью о дружбе. Не могу не процитировать дружескую увертюру Валерия Михайловича к статье, которая опубликована в нашем сборнике научных статей: *«Раздумывая о сюжете очередного доклада на ежегодном фразеологическом вече в гостеприимном Гомеле, я перелопачивал в памяти немало достойных этого славистического форума тем. И, после глубоких раздумий, остановился на концепте “Дружба”. Ведь именно сейчас, когда весь мир скован цепями враждебного человечеству ковида-19, когда привычные и крепкие дружеские узы обратились в неосязаемое дистанционное общение, а жившие ранее в мире и гармонии страны инъецируются злобой и враждой, нам, фразеологам и паремиологам, самое время громко говорить о Дружбе и Товариществе»*.

Даже в этом небольшом фрагменте чувствуется подчеркнутое внимание ко всем, кого связывают дружеские лингвистические узы в непростое «ковидное» время. Здесь и комплимент гомельчанам, и отклик на предложенное организаторами конференции разделение фразеологии и паремиологии в проблемном поле конференции, и намек на непростые политические отношения в мире, и сожаление о невозможности встречи в привычном формате, и оптимистическая тональность, вселяющая веру в то, что Доброе в мире восторжествует. Умелое использование аллюзии, метафоричность и оценочность лексики (*фразеологическое вече, гостеприимный Гомель, достойный, славистический форум, скован цепями, враждебный человечеству, крепкие дружеские узы, неосязаемое дистанционное общение, инъецируются злобой и враждой, мир и гармония, Дружба и Товарищество*) позволяют сказать так много и так свежо и метко в абсолютно лаконичном слове. И это слово сродни живописному полотну, на котором мастер, выражающий свои мысли и чувства, уверенными мазками, наносимыми лингвистической кистью, изображает мир.

Как не узнать руку все того же живописца в другом его творении – в здравнице, написанной в этом году по случаю юбилея польского фразеолога профессора Войцеха Хлебды: *«Wojciech Chlebda – одно из самых частотных, устойчивых и любимых словосочетаний, входящих в активный “Идиоматикон” всех фразеологов мира. Прозрачность его внутренней формы, излучающей сакральную библейскую формулу (“Хлеб наш насущный ДАждь нам днесь” Мф 6, 11), обеспечивает его необыкновенную устойчивость и всеобщую воспроизводимость во всех сферах науки и жизни. Именно поэтому наш Юбилея столь щедр и востребован не только в широких научных кругах, но и в высших научно-бюрократических сферах. К последним, понимая заслуженную В. Хлебдой честь, мы, фразеологи, ревнуем, ибо из-за административной активности и перегруженности нашего профессора мы, фразеологи, стали редко видеть его на наших конференциях, одним из инициаторов которых он был»* [1, с. 11]. И вновь мы ощущаем удовольствие, смакуем удивительно тонкий и изящный мокиенковский

стиль с проявлением в нем души художника слова, этимолога, фразеолога, крылатолога и просто друга, который с легкой юморинкой говорит о сокровенном от имени друзей и для друга, выражая ему свое глубокое почтение. Позволю привести здесь еще несколько фрагментов здравицы, подтверждающих сказанное: *«Не сгибаясь под тяжестью всех столь почётных и поедających время должностей и функций, В. Хлебда успешно продолжает одарять славистов-фразеологов своими научными трудами, ставшими для многих из нас хлебом насущным, а для творческой молодёжи – и вратами истинной учёности. <...> Синтез богоискательства и судьбоносности, отражённый мощными “горячими” материалами русских постперестроечных средств массовой информации, стал объектом проникновенного лингвистического диагноза в монографии “Fatum i nadzieja. Szkice do obrazu samoświadomości językowej dzisiejszych Rosjan”.* <...> Но на анализе лишь русской (resp. советской) ментальности наш Юбиляр не остановился. Родная польская ментальность им вскрыта тем же методологическим скальпелем объективного лингвиста» [1, с. 12, 20]. Можно бесконечно цитировать здравицу в честь В. Хлебды и получать удовольствие от созданного Валерием Михайловичем текста, в котором проявляется свойственное стилю автора смелое соединение художественного слога с научным: *«Но если в случае с выше расшифрованной внутренней формой его фамилии он полностью подчинился её семантической доминанте, став Хлеבודарителем для нескольких поколений филологов, то в случае с топонимом [речь идет о топониме Глухолазы – название небольшого города, в котором родился В. Хлебда] он поступил антонимически – т. е. решительно воспротивился его этимологическому диктату. <...> сопротивляясь диктату родного ему топонима, он изошрился своё от рождения неглухое ухо тонким филологическим образованием и восприимчивостью к родной и славянской речи. <...> В. Хлебда ни разу ещё не предпринял никаких Głuchich łazów, т. е. “глухих вылазок” против кого-либо или чего-либо, поапостольски распространяя в нашей среде идею мира и братского научного взаимодействия» [1, с. 11, 12]. А вот фрагмент комплиментарной и удивительно доброй, дружеской финальной части здравицы: *«Сознательно опуская в этой юбилейной реляции обзор неисчислимых рецензий, критических заметок и аналитических информации В. Хлебды и обозревая всё его необозримое научное наследие, ставшее неоценимым вкладом в славистику, хочется думать, что жители его родного пограничного городка Глухолазы выступают с инициативой – переименовать свой город в более благозвучный и гордый топоним – Хлебдары, а жители деревни Ярнотувек – в Хлебдувек. Зная скромность Юбиляра, однако, мы подозреваем, что он сам в год своего 70-летия решительно воспротивится этому. Но мы, почитатели его лингвистического дара и культиваторы хлебдолюбия во всей необъятной Славии, будем решительно на этом настаивать через 30 лет» [1, с. 25]. Какой естественной и уместной здесь кажется антитеза, основанная на повторе, и авторская неология, как поразительно точны эпитеты, как гармонично соединение высокой лексики с обыденным словом! «Умри, Денис, – лучше не напишешь!» – более меткого определения, чем это крылатое выражение, думаю, и не подобрать для характеристики того, что рождено умом и сердцем Валерия Михайловича, преисполненного желания выразить почтение ученому и обаятельнейшему человеку Войцеху Хлебде.**

Полагаю, что со мной согласятся многие, если скажу, что стиль Валерия Михайловича легко узнаваем, к каким бы жанрам его письменно зафиксированной мысли мы ни обращались. Индивидуально-авторские метафоры и окказионализмы, креативно используемые евангелические, пословичные, фразеологические выражения, разного рода межтекстовые переклички, подтекстовая составляющая, юмор, каламбур – все это составляет приметку стиля В. М. Мокиенко. Вот несколько небольших купюр из работ Валерия Михайловича: *«В языке вообще, а во фразеологии в особенности такое сплетение национального и интернационального происходит постоянно. Как ни один народ не*

может полнокровно существовать без разносторонних контактов с иными народами, так и язык истощился бы сам в себе, не находя подкрепления в других языках и не отдавая им, в свою очередь, собственных живительных соков» [2, с. 8]; «Если мы, диалектологи, не успеем в последний момент зафиксировать сохранившиеся пока в некоторых регионах жемчужины народного творчества, то искусственный интеллект будущего века (а быть может, и настоящего) предаст их забвению. И неизвестно, когда ещё наши потомки откопают этот зарытый в компьютерные толици естественный речевой талант – талант народной речи» [3, с. 84]; «Этот честный, хотя и нелюбимый диагноз, собственно, и вызвал к жизни тему нашей сегодняшней Белгородской конференции. Quo vadis? Камо грядеши? Куда мы идем? – вот главный вопрос, который мы, фразеологисты, задаем себе сейчас» [4, с. 11]; «Самокритично признаю, что этим “в старину” мы в какой-то мере усыпили интернациональную бдительность когнитологов, всегда ищущих повода для “национализации” собственно русской языковой картины» [4, с. 15]; «“Вишенкой же на торте” славянской неологизации сейчас нередко становятся кальки-американизмы. Но и они, наслушавшись на славянский фразеологический торт, не портят его первородного вкуса, а, наоборот, придают ему особую современную образную “брендовость”» [5, с. 144]; «Дегустируя такого рода образные языковые “лакомства”, я невольно пытался подобрать им наши русские ассоциативные параллели» [6].

Отдельно нужно сказать о потрясающем умении профессора В. М. Мокиенко в серьезную речь добавлять долю юмора. Причем и юмор у Валерия Михайловича особый, он – разный: по-дружески восхваляющий или, напротив, по-дружески разоблачающий; разрушающий дистанцию или намеренно создающий дистанцию (как правило, для выражения доброго почтения и почитания); подтрунивающий и горький или, наоборот, прощающий и поддерживающий. Одна особенность, правда, остается неизменной – юмор Валерия Михайловича всегда утонченный, с лингвистической изюминкой, фразеологическим послевкусием, узнаваемо мокиенковский: «Если выражение богатырский Буратино выросло из советского литературного источника, то оборот о чукотском юноше – симбиоз известных анекдотов о некоторых жителях крайнего Севера, который, как поётся в песне, напрасно называется “крайним, потому что он бескрайний”...» [5, с. 141]; «Любой фразеолог, неожиданно для себя увлеченный желанием заняться исследованием, а тем более словарным описанием фразеологических неологизмов, рискует тут же стать мальчиком (а ещё вероятнее – девочкой) для битья» [5, с. 137]. И даже в тех случаях, когда, кажется, в пору сокрушаться, а не шутить, Валерий Михайлович может смягчить удар, прибегая к антифразису, иносказанию, намеку, помещая критику в контекст упоминания о достоинствах: «Когнитивные исследования фразеологии давно уже стали мировым филологическим “брендом” Белгородского университета. Вдохновленные одним из признанных когнитологов профессором Н. Ф. Алефиренко, его последователи проводят в стенах своей alma mater уже 4-ю Международную научную конференцию по когнитивной фразеологии. <...> В речи же художников слова они [крылатые выражения] способны творчески преобразовываться создавая неповторимую мозаику художественной картины мира <...>. Преобразовываться в соответствии с законом, сформулированным в известной фразе А. С. Пушкина “Разум неистощим в соображении понятий, как язык неистощим в соединении слов”. То есть, следуя когнитивному процессу, который не менее ясно и четко Н. Ф. Алефиренко (2012) называет созданием “предзнаковых форм мотивации фраземосемиозиса”» [7, с. 15, 25]; «И хотя сама идея стара как мир – достаточно вспомнить “учителя народов” Яна Амоса Коменского, книга которого “Orbis Sensualium Pictu”, изданная в 1657 году, так и называлась “Мир с картинка”, или В. Гумбольдта, – но новое, молодое вино в эти старые идейные мехи подлила Анна Вежбицкая. Ею была предложена реконструкция русской языковой картины мира,

достаточно рельефно отличающейся от языковых картин западного (особенно англоязычного) мира. Многие наши русисты с энтузиазмом подхватили и начали развивать эту идею, не заметив, что польская русистка, окончившая московскую аспирантуру и работающая в Австралии, нам поднесла “Елизабет Воробья” вместо полноценной русской души» [6].

Казалось бы, что может быть серьезнее такого жанра, как отзыв о диссертации? Но и в этом жанре Валерий Михайлович умеет снять напряжение, проявляя неизменную дружескость. За неявной, намеченной лишь штрихами игровой словесной формой, к которой порой обращается Валерий Михайлович для выражения похвалы или критики, кроется мудрость Ученого и Учителя: «Всего три года назад отечественные лингвисты и любители вкусной пищи дегустировали оригинальную монографию Е. А. Юриной “Вкусная метафора: пищевая традиция в зеркале языковых образов” <...>. Казалось, теперь уже все в гастрономической метафорике изучено и подвержено последовательному и детальному когнитивному анализу. И вот теперь ученица томской исследовательницы представляет Ученому совету диссертацию на ту же всегда актуальную для человечества тему. <...> Как легко видеть, моя оценка исследования А. В. Балдовой столь же положительна, как и оценка большинства пищевых концептов диссертантом и потребителями гастрономических объектов. Лишь привычный лексикографический и редакторский взгляд обнаружил одну досадную опечатку в автореферате: на с. 6, где приводится наш с профессором Алиной Михайловной Мелерович словарь “Фразеологизмы в русской речи”, фамилия моего соавтора вызвала германоязычные ассоциации, понятные для региона, где германо-русские контакты привели к освоению Сибири» [8]; «Не будучи диалектоносителем, я, как неофициальный рецензент кандидатской диссертации З. Р. Боуфал, хочу выполнить иную задачу: заключить свой отзыв без всякой неуверенности, нерешительности и колебаний самой высокой положительной оценкой этого научного исследования» [9]; «Мне не представляется обоснованным и подтвержденным анализируемым материалом включение в корпус диссертационного исследования составных терминов и наименований типа вопросительный знак, Российская Федерация, Московский педагогический государственный университет <...>. Я еще понимаю, почему Нгуен Тхань Ха включила в этот список сочетание Московский педагогический государственный университет: как говорится *Noblesse Oblige*, – в этом авторитетном вузе проходит сейчас ее защита. Однако включение такого рода разнородных и безобразных словосочетаний превращает объект ее исследования в открытый ряд. К счастью, этого не случилось, ибо включение такого рода единиц лишь декларируется, а в самой диссертации они практически не анализируются. Тем более что автор сама подчеркивает, что “во вьетнамском языке они не относятся к фразеологии” (с. 28). По секрету скажу: их не относят к фразеологизмам и большинство русских фразеологов. Да и трудно представить себе словарь, в котором бы идиоматика, пословицы и крылатые выражения попали в один переплет с сочетанием Советский Союз или Социалистическая Республика Вьетнам. Я сделал бы в таком словаре лишь одно исключение – сами понимаете, для обозначения какого вуза» [6].

Многие начинающие исследователи, получив поддержку у профессора В. М. Мокиенко, уверенно идут к своему олимпу. А как это важно, чтобы труд вовремя был оценен, чтобы молодой ученый, вдохновленный одобрением доктора наук, вливался во Фразеологическое содружество и, «следуя в кильватере <...> мощного течения», находил «свой собственный азимут» [10]. В. М. Мокиенко, как никто другой, умеет отзываться о молодых ученых по-отечески тепло: «Конференция по славянской диалектной фразеологии проводится нашим гостеприимным хозяином профессором Матеем Раком <...>. Мне помнится, как 15 лет тому назад на конференции в Ополе ко мне подошёл молодой студент с вдохновенными глазами и сказал: “Позволит ли мне

пан профессор подарить ему свой словарь – фразеологический словарь моей родной деревни?» Я не только позволил ему подарить мне свой словарь, но и всю ночь изучал яркую народную фразеологию gwarу Dębna, с любовью описанную в этом словаре. Это был Słownik frazeologiczny gwarу Dębna w Górach Świętokrzyskich (SFGD). И не успел я насладиться чтением первого его труда, как в 2007 г. вышла ещё одна книга этого же автора – Językowo-kulturowy obraz zwierząt utrwalony w animalistycznej frazeologii gwarу Gór Świętokrzyskich i Podtatrza (na tle porównawczym) <...>. Видя, с каким тщанием и лингвистическим вдохновением написаны эти книги, я подумал: «Этот студент наверняка скоро станет профессором». Автором словаря, как вы уже догадались, и был студент М. Рак. И, как видите, моя научная гипотеза подтвердилась ...» [3, с. 83–84].

Когда-то и я, в свое «предзащитное» время, получала письма-поддержки от профессора В. М. Мокиенко как рецензента моей монографии, укрепившие меня во мнении, что исследовательская стезя выбрана верно: «Уважаемая Елена Владимировна, с вниманием прочитал Вашу монографию и простите, что затянул с отзывом: <...> я не привык листать хорошие книги, а люблю их дегустировать» (апрель 2015); «Так что держите паремиологический хвост пистолетом и помните клич француза Беранже: “Бей в барабан – и не бойся!” Желаю Вам и Вашим близким счастливого, здорового и блескозащитного Нового года» (декабрь 2015); «Голгоф не бойтесь: они закаляют нас, паремиологических оловянных (а не бумажных!) солдатиков! Желаю плыть вперёд без страха и сомненья! С почтением. В. М.» (январь 2016). Да и сейчас как приятно получать от Валерия Михайловича добрые напутственные слова: «Дорогая Елена Владимировна, Вам – все по плечу!» (декабрь 2019). Конечно же, я понимаю, что в комплиментах лишь доля истины, преувеличенная по закону жанра, однако важен сам факт, что найдено время, найдено слово, и не сомневаюсь, что оно есть у Валерия Михайловича для всех, кто вносит свою, пусть и небольшую лепту в общее фразеолого-паремиологическое дело.

Кто еще из ученых, обладая многими почетными званиями и регалиями, постоянно погруженный в лексико-, фразео- и паремиографическую работу, найдет время сразу откликнуться на письмо, наполнив свои ответные послания светлой авторской неологией, юморинками (иногда с тайными нотками легкой иронии), а главное – душевной теплотой и истинной интеллигентностью: «Вы правы: я тоже думаю об открытом забрале и отправлю забральный вариант» (январь, 2016); «Спасибо за полезную информацию. Всё соблюду и буду действовать по разработанной программе» (ноябрь 2019); «Мастер-класс так мастер-класс. Вот тема: Непонятное в понятном: знаем ли мы библейские крылатые выражения? Всего наиКлассного» (октябрь 2019); «Нет слов... Одни восклицания! Паремиологические!!!» (ноябрь 2019); «Желаю успеха и неспешности в подготовке Конференции, которую предвкушают все фразеологи и паремиологи» (ноябрь 2019); «Очень жаль, что приходится отказываться от поездки, к которой я так тщательно готовился. И – главное – хотел увидеть любимую команду фразеологов и паремиологов. Но... как всегда, подчиняюсь паремиологическому велению: Человек предполагает, Бог располагает...» (ноябрь 2019); «А Вас от души поздравляю с успехом Конференции. Слух о Вас прошел уже по всему фразеологическому миру...» (декабрь 2019); «За фото М. А. Бредиса – особенное благодарение» (декабрь 2019); «Спасибо за попытку elibrаровать мою статью» (декабрь, 2019); «Народ к Вам обязательно хлынет или завебинарит. Всего наиПаремиологического! (сентябрь 2020); «Друзьям-Гомельцам СЕРДЕЧНЕЙШИЕ ПРИВЕТЫ!!!» (ноябрь 2020).

Получая такого рода послания, читая опубликованные работы Валерия Михайловича, так и хочется равняться на человека, слово которого никогда не скучно, подкупает искренностью, приятно в силу изобразительности и абсолютной ясности выражения глубоких мыслей. А разве может лексиколог, фразеолог, паремиолог, крыла-

толог, лингвокультуролог, историк языка, славист, выпестовавший 156 словарей, говорить не увлекая, не поражая адресата удивительно точным и «зримым» словом, не воспитывая любви к языку: *«Что ж, раз так поступали и французы и немцы, то поди докажи, кто первый бросил этот фразеологический камешек в языковой огород соседа. Как поется в популярной песенке Новеллы Матвеевой:*

*По дороге позабыли,
Кто украл, а кто украден, –
И одна попоны пыли
На коне и конокраде...*

Такая «попыны пыли» осела на многих фразеологических интернационализмах за века кочевий из одного языка в другой. Сдунуть пыль, а точнее – стереть слой за слоем, помогает лишь скрупулезный этимологический анализ. Иногда, правда, адрес заимствования как будто так и начертан на самом устойчивом обороте» [2, с. 29]. Читателя, которому адресованы все книги профессора В. М. Мокиенко, не покидает ощущение, что их автор, наслаждаясь любимым занятием, с невероятной легкостью пишет свои лингвистические полотна, желая донести сокровенное научное слово для всех друзей Фразеологии и Паремииологии и являя образец истинной преданности Лингвистике.

В. М. Мокиенко в свой юбилейный год заслуживает многих высоких похвал, но это тема другого эссе с достойным Мэтра славянской фразеологии превеликим списком библиографии Юбиляра. Мне же хотелось лишь подчеркнуть истинную любовь к слову, проявляющуюся на фоне удивительной любви к людям, которая сквозит в любом творении глубоко уважаемого всеми профессора В. М. Мокиенко.

Список использованных источников

1. Мокиенко, В. М. Слово о профессоре Войцехе Хлебде / В. М. Мокиенко // *Język i pamięć. Księga jubileuszowa dedykowana Panu Profesorowi Wojciechowi Chlebdzie z okazji 70. Urodzin; pod redakcją Walerego M. Mokijenki i Jadwigi Tarsy.* – Opole : Uniwersytet Opolski, 2020. – S. 11–25.
2. Мокиенко, В. М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1986. – 280 с.
3. Мокиенко, В. М. Дialectная и историческая фразеология. Перспективы взаимодействия / В. М. Мокиенко // *Słowiańska frazeologia gwarowa II; pod redakcją Macieja Raka i Valerija M. Mokienki.* – Kraków : Księgarnia Akademicka, 2020. – С. 83–92. (Biblioteka „LingVariów” Т. 28. Redaktor naukowy serii Maciej Rak)
4. Мокиенко, В. М. Когнитивное в диахроническом и диахроническое в когнитивном / В. М. Мокиенко // *Когнитивные факторы взаимодействия фразеологии со смежными дисциплинами : сб. науч. тр. по итогам III Междунар. науч. конф. (Белгород, 19–21 марта 2013 года) / отв. ред. проф. Н. Ф. Алефиренко.* – Белгород : ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 10–16.
5. Мокиенко, В. М. Современная славянская неопразеология: сходства и различия / В. М. Мокиенко // *Славянские лингвокультуры в пространственном и временном континууме : сборник научных статей / редкол. : Е. В. Ничипорчик (гл. ред.) [и др.] ; Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины, Представительство Россотрудничества в Республике Беларусь, Российский центр науки и культуры в Гомеле.* – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2019. – С. 137–146.
6. Мокиенко, В. М. Отзыв официального оппонента о кандидатской диссертации Нгуен Тхань Ха «Отражение национальной культуры во фразеологизмах русского и китайского языков» [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко. – Режим доступа : https://spbu.ru/sites/default/files/otzyv_mokienko_ngyen_than_ha.pdf. – Дата доступа : 2.10.2020.
7. Мокиенко, В. М. Русские крылатые слова-библейзмы в художественной картине мира / В. М. Мокиенко // *Фразеология в языковой картине мира: когнитивно-прагматические регистры : сборник научных трудов по итогам 4-й Междунар. науч. конф. по когнитивной фразеологии (г. Белгород, 26–27 марта 2019 года) / редкол. : Н. Ф. Алефиренко, Е. Г. Озерова, К. К. Стебунова [и др.].* – Белгород : «Эпицентр», 2019. – С. 15–26.

8. Мокиенко, В. М. Отзыв об автореферате диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук, А. В. Балдовой «Микромоделирующая аксиологическая функция пищевой метафоры в русском языке» [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко. – Режим доступа : https://spbu.ru/sites/default/files/otzyv_mokienko_baldova.pdf. – Дата доступа: 2.10.2020.

9. Мокиенко, В. М. Отзыв об автореферате диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук, «Актуализация модусных категорий в диалектном высказывании: авторизация и персуазивность» З. Р. Боуфал [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко. – Режим доступа : https://spbu.ru/sites/default/files/otzyv_baufal.pdf. – Дата доступа : 2.10.2020.

10. Мокиенко, В. М. Отзыв об автореферате диссертации, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук, «Теоретические основания русской семантической персонологии: объект и метод» И. В. Башковой [Электронный ресурс] / В. М. Мокиенко. – Режим доступа : https://spbu.ru/sites/default/files/otzyv_mokienko_0.pdf. – Дата доступа : 2.10.2020.

УДК 811.161.1'42'373.612.2:398.91(=161.1)

О. Б. Абакумова

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА И КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ С ГЕНДЕРНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Статья посвящена анализу семантики русских пословиц с гендерным компонентом для конструирования образа женщины на основе концептуальной метафоры в русской лингвокультуре. Анализ проводится с использованием аппарата когнитивной семантики и тематической роли «квалитатив».

Ключевые слова: пословица, гендер, русский язык, концептуальная метафора, образ женщины.

В данной статье под гендером предлагается понимать «совокупность норм поведения и позиций, которые обычно ассоциируются с лицами мужского и женского пола в данном обществе. В основе гендера лежит идея о том, что важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое общество придает этим различиям» [1, с. 7].

Среди отечественных и зарубежных исследователей, описывающих в своих научных трудах гендерный фактор, нужно упомянуть В. Н. Телия, А. В. Кирилина, И. В. Зыкову, В. А. Виноградова, Л. И. Сидорову и др.

Прежде всего в области отечественных гендерных исследований следует выделить монографию В. Н. Телия [2], где автор анализирует воззрения на женщину, характерные для обыденного русского менталитета, и приходит к следующим выводам:

1) женщина в русском обыденном самосознании не воспринимается как слабый пол; 2) во всех фразеологизмах о женщине как сексуальном партнере используется гастрономическая метафора «женщина – лакомый кусок»; 3) в православной русской культуре сложился стереотип женщины-домоседки; 4) особенное место отводится нравственной характеристике женщины, ей отводится сначала роль честной девушки, потом – верной жены; 5) наличие культурно-национальных коннотаций в образных основаниях фразеологизмов проявляется в оценке интеллектуальных способностей женщины как «недочеловека» по сравнению с мужчиной.

Рассматривая гендерные стереотипы в русской и немецкой фразеологии, А. В. Кирилина замечает, что по многим параметрам обнаруживаются общие черты: